

СТАЛИН

ЦЕНА УСПЕХА

ФЕНОМЕН ПРОПАГАНДЫ

А. ГРОМОВ

Алекс Бертран Громов Сталин. Цена успеха, феномен пропаганды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37214883

Сталин. Цена успеха, феномен пропаганды:

ISBN 978-5-4461-0853-4

Аннотация

Сталинская эпоха до сих пор вызывает живой интерес. Как формировалось «общественное мнение», как новая идеология внедрялась в массовую культуру? Почему миллионы людей верили Сталину, но не верили друг другу? В чем заключалась уникальность его пропагандистской машины? Сталинская пропаганда влияла не только на настоящее и будущее, но и на прошлое, моделируя его, представляя мрачным и бесперспективным по сравнению с единственно верной дорогой к светлому коммунистическому будущему. Новая книга известного историка, лауреата ряда премий посвящена эпохе великих достижений и огромных трагедий, а также ее главным образам, созданным пропагандой и до сих пор способным воздействовать на умы и чувства людей.

Содержание

Предисловие	5
На рубеже переворота	7
Из ссылки	7
Во главе «Правды»	11
«Укрыть товарища Ленина»	16
Наркомнац	19
Грозы двух революций	23
Всеобщий поиск врагов: начало	33
И вот «караул устал»	36
«Устрашение является могущественным средством»	39
Мир и анафема	42
Сталин и оборона революции	46
Штрафбаты Троцкого	52
Враги и речи	55
Песни двух сторон	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алекс Бертран Громов
Сталин. Цена успеха,
феномен пропаганды

© ООО Издательство «Питер», 2018

* * *

Предисловие

Однажды на круглом столе, посвященном отечественной истории, автора этих строк спросили, был ли СССР уникален во всем или его характерным чертам можно найти аналогии в других странах?

Как ответить на этот вопрос? С одной стороны, исторические обстоятельства влияли на весь мир сразу и отголоски европейских событий докатывались даже до тех регионов, которые казались далекими, – и это несмотря на отсутствие интернета и куда меньшее, чем сейчас, развитие авиации. С другой стороны, следует отметить, что на тех или иных этапах своего развития Советский Союз был очень разным. И отношение к чему-то, казавшемуся, если наблюдать за массовой советской пропагандой, еще недавно основополагающим, могло меняться до противоположности. Будь то идея мировой революции, оценка собственной дореволюционной истории или возрождение обычая наряжать новогоднюю елку.

В чем же состояла уникальность сталинской пропаганды? Пропаганда вовсе не была бездумной машиной, а наоборот – создавала систему взаимопересекающихся символов, «изгоняя» в негатив или забвение те из них, которые были не только враждебными, но и просто не укладывались в этот набор. Причем набор советских идей-символов в некоторых обла-

стях (чаще всего связанных с внешней политикой) мог изменяться.

Сталинская пропаганда обращалась не только к настоящему и будущему, но и к прошлому, моделируя его, демонстрируя не только советским гражданам, но и приезжающим в СССР иностранцам его таким мрачным, бесперспективным и несправедливым, что по сравнению с ним советское настоящее выглядело как верная, хотя и тернистая, дорога к неизбежному светлому будущему.

На рубеже переворота

Из ссылки

11 июля 1913 года Иосиф Сталин, арестованный весной того же года за революционную деятельность и высланный в Туруханский край Енисейской губернии, прибыл в Красноярск. Оттуда он был отконвоирован в село Монастырское. Вместе со Сталиным ссылку в тех же местах отбывал Яков Свердлов. У властей «ссылный Джугашвили» значился как склонный к побегу, и он действительно изыскивал способы бежать из Туруханского края. Чтобы помешать Сталину и Свердлову в осуществлении замысла, обоих ссылных перевели в глухие северные места за полярный круг в село Курейка, почти не имевшее связи с внешним миром: почта доставлялась реже чем раз в месяц, а пароход заходил сюда лишь один раз в год.

В октябре 1916 года политических ссылных вдруг было решено призвать в армию. В Красноярск Сталин и остальные ссылно-призванные добрались – на собаках, оленях и лошадях – только к концу декабря 1916 года. К этому моменту власти спохватились, что посылать в действующую армию столь опытного пропагандиста будет не слишком разумно. В итоге губернатор Красноярского края отправил Сталина от-

бывать оставшееся время ссылки в Ачинск, расположенный в 180 километрах от Красноярска. Там Сталин жил до начала марта 1917 года.

27 февраля (по старому стилю) 1917 года в Петрограде началось вооруженное восстание. История сохранила и имя первого мятежника – им стал унтер-офицер Т. Кирпичников, старший фельдфебель учебной команды запасного батальона Волынского полка. Под его руководством солдаты не только отказались стрелять в рабочих-демонстрантов, но перешли на их сторону, перебив часть своих офицеров и разгромив оказавшиеся на их пути казармы жандармов. К солдатам Волынского полка присоединились запасные батальоны Литовского и Преображенского полков. К вечеру 27 февраля на сторону восставших перешло около семидесяти тысяч вооруженных солдат, захвативших большую часть Петрограда. Жандармерия, на которую царское правительство возлагало большие надежды по охране порядка в столице, оказалась бессильна против такого количества вооруженных мятежников.

3 марта был оглашен состав Временного правительства и обнародована программа его деятельности, которая была согласована с Петроградским советом. Ее первым пунктом значилась полная и немедленная амнистия по всем политическим и религиозным делам. Благодаря телеграфу и телефону вести из столицы в считанные часы дошли и до Сибири.

8 марта 1917 года Сталин с группой товарищей (среди них были Матвей Муранов и Лев Каменев) сел в Красноярске на поезд и отправился в столицу. С дороги Сталин послал телеграмму Ленину за границу. Российская империя, ставшая республикой, была охвачена революционной эйфорией. На каждой станции поезд, в котором ехали недавние ссыльные, встречали толпы людей с красными знаменами. По пути поезд делал частые остановки, во время которых проходили митинги – возвращавшихся из ссылки встречали как героев. Оркестры, еще недавно раз за разом исполнявшие «Боже, царя храни!» и бравурные марши, теперь играли «Марсельезу», а порой и «Варшавянку», пламенные революционеры держали речи. По воспоминаниям очевидцев, Сталин тогда среди выступавших замечен не был.

Через четыре дня пути поезд оказался в столице, где бывших политзаключенных встретили восторженные толпы граждан новой демократической России. Затем Сталин отправился к своим старым знакомым Аллилуевым, обитавшим в то время на окраине Петрограда.

Но в начале марта в Петроград еще не вернулись ни Ленин, ни другие вожди большевиков – многие из них находились за границей и испытывали трудности с возвращением на родину через территорию стран, с которыми Россия находилась в состоянии войны.

В состав ЦК партии, в то время находившемся в Петрограде, входили Вячеслав Молотов (Скрябин), Александр Шляп-

ников и Петр Залуцкий. Далее, как следует из сохранившихся архивных документов, состоялось заседание, на котором обсуждался вопрос о включении вернувшегося из ссылки революционера-большевика Сталина в состав Русского бюро ЦК и была принята резолюция, в которой говорилось, что «относительно Сталина было доложено, что он состоял членом ЦК в 1912 году и поэтому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но ввиду его некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом».

Но болезненно самолюбивый Коба наверняка воспринял это решение как понижение его законного, заработанного революционными деяниями и ссылкой статуса.

Во главе «Правды»

Но тут произошло событие, изменившее расстановку партийных сил – официально (ведь вторым пунктом программы Временного правительства была провозглашена свобода слова, печати, собраний и стачек) 4 марта 1917 года возобновился выпуск большевистской газеты «Правда», редактором которой стал Молотов. Тираж уже второго номера этого издания составлял сто тысяч экземпляров. Газета, де-факто не признававшая Временное правительство выразителем воли народных масс, считала необходимым провести избрание настоящего революционного правительства – естественно, с большевиками. 13 марта Молотов, сославшись на свою молодость и недостаточный опыт, вышел из состава редколлегии «Правды». Вместо него членом редколлегии «Правды» и членом ЦК партии по решению Бюро стал Сталин. Помимо этого, он был избран и членом президиума Бюро, то есть стал одним из высших партийных руководителей большевиков. Через день в той же самой «Правде» печатается извещение, в котором говорится о назначении Сталина, Муранова и Каменева представителями ЦК в Исполнительном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Ленин, находившийся в то время в Швейцарии, не мог оперативно вмешиваться в проводимую Сталиным политику большевистской организации Петрограда (а де-факто – всей

России).

Деятельность Сталина в течение этих нескольких дней подробно отражена в «Правде». На страницах газеты размещались материалы, написанные им, в которых Сталин говорил о необходимости ограничения сотрудничества с Временным правительством, поскольку демократическая революция еще не завершена, и Петроградский совет, ведущий революционную деятельность, должен контролировать «нереволюционное» правительство, вынуждая его закреплять законодательно проводимые в стране революционные преобразования. По словам Сталина, «основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую, социалистическую экономику». Лев Троцкий называл позицию Сталина в марте 1917 года (в тот момент достаточно реалистичную) «соглашательской». И только позже, после возвращения Ленина, Сталин изменил свою позицию по отношению к Временному правительству, присоединившись к мнению лидера партии, выступавшего за безусловное превращение буржуазно-демократической Февральской революции в пролетарскую социалистическую революцию, во главе которой должны стать большевики...

3 апреля 1917 года в столицу вернулся Ленин. Он прибыл из эмиграции на Финляндский вокзал Петрограда, где ему

и сопровождающим была устроена торжественная встреча. Через воюющую с Россией Германию Ленин и другие ехали в закрытом пломбированном вагоне, но все равно многие российские газеты и политические деятели обвиняли большевиков в сговоре с кайзером и использовании денег германского генштаба. Поэтому вернувшиеся ранее из Туруханской ссылки большевики (Сталин, Каменев и другие) решили организовать Ленину не просто встречу, а революционную церемонию, большой митинг. Для этого использовали прожектора, броневик, с которого и выступил вождь партии большевиков, и собранную тысячную толпу, внимавшую каждому слову Ильича.

Спустя девять лет в честь этого события был установлен памятник, а еще через четыре десятилетия на вокзале установили и тот самый паровоз Н2–293, везший состав с Лениным.

Но это было после, а за день до возвращения лидера Сталин поставил на голосование в ЦК партии предложение о начале переговоров с меньшевиками по выработке общей позиции по отношению к войне. После долгой дискуссии предложение было принято (главой большевистской делегации был назначен Сталин), но переговоры из-за возвращения в Россию Ленина уже не состоялись...

Ленин осудил позицию Сталина и Каменева, и уже 4 апреля 1917 года в своих «Апрельских тезисах» (впервые напечатанных через три дня, 7 апреля, в газете «Правда» № 26),

которые он озвучил на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов РСД в присутствии некоторых меньшевиков, он сказал: «Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии “требования”, чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским». Эти десять тезисов были одобрены после острой дискуссии на 7-й Всероссийской апрельской конференции РСДРП(б), проходившей 24–29 апреля 1917 года.

Первоначально против «Апрельских тезисов» выступил и Сталин, заявивший на заседании ЦК (что было зафиксировано в одном из протоколов заседания бюро ЦК): «Схема, но нет фактов, а поэтому не удовлетворяет. Нет ответов о нациях мелких». Но уже к началу Апрельской конференции Сталин снова стал верным соратником Ленина и поддержал все его предложения.

В мае-июне 1917 года Сталин занимался организацией антивоенной пропаганды и перевыборами Советов. 3 июня начался I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который продлился двадцать один день. Иосиф Виссарионович принял в нем участие в качестве делегата и от фракции большевиков, набиравших силу в Петрограде, был избран членом ВЦИК и членом Бюро ВЦИК. Сталиным были напечатаны несколько статей в большевистских газетах

«Правда» и «Солдатская правда» (являвшейся с середины апреля 1917 года органом Военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б)). Помимо этого Сталин занимался подготовкой демонстраций, прошедших 10 и 18 июня 1917 года в Петрограде.

«Укрыть товарища Ленина»

7 июля 1917 года на квартире у большевика С. Аллилуева состоялась жаркая дискуссия между тогдашними лидерами питерских большевиков Лениным, Зиновьевым, Ногиным, Орджоникидзе, а также присутствовавшей там Стасовой на тему того, что предпринять в ответ на опубликованный приказ Временного правительства об аресте Ленина и Зиновьева. Так, Ногин считал, что большевистским лидерам нужно явиться в суд и использовать это для пропаганды.

Против был Сталин, который считал: «Юнкера до тюрьмы не доведут. Убьют по дороге. Нужно надежно укрыть товарища Ленина». С ним согласились Орджоникидзе и Стасова. В результате было принято решение о переходе Ленина и Зиновьева на нелегальное положение. После этого был изменен облик Ленина, для чего Сталин лично сбрил у него бороду и усы, а после надевшего парик Ленина загримировали. То же самое сделали с Зиновьевым – его постригли и загримировали. Затем Сталин отправляется вместе с загримированными Лениным и Зиновьевым на станцию Разлив, где находился дом верного партии рабочего.

Ленин и Зиновьев отправились в Разлив, а Сталин «остался на хозяйстве» – руководить партией, только что потерпевшей крупное поражение. И ему при участии Якова Свердлова вскоре удалось исправить ситуацию, причем способство-

вало этому само Временное правительство, которое для наведения порядка в стране ввело смертную казнь. В столице стали появляться недовольные таким «закручиванием гаек» и продолжением войны представители солдатских комитетов (ведь то и другое грозило им смертью).

10 октября в столицу нелегально вернулся Ленин, который на заседании ЦК выступил против Учредительного собрания, обосновав необходимость захвата власти именно большевиками. В ходе голосования десять из двенадцати участников этого заседания, в том числе и Сталин, поддержали ленинское предложение. Сталин был избран членом Военно-революционного центра и в его составе вошел в Петроградский ВРК. В газете «Рабочий путь» (одно из названий газеты «Правда», тогда подвергавшейся преследованиям со стороны Временного правительства), которую редактировал Сталин, 24 октября (но новому стилю – 6 ноября) напечатана редакционная статья «Что нам нужно?» с призывом к свержению Временного правительства и замене его советским правительством.

А потом раздалась залпы крейсера «Аврора» и начался штурм Зимнего. После его падения на заседании II съезда Советов было избрано новое правительство – Совет народных комиссаров, которое возглавил Ленин. Сталин стал комиссаром по делам национальностей.

Троцкий, являвшийся комиссаром по иностранным делам, позже так обрисовал метаморфозу, произошедшую со

Сталиным – членом правительства: «Временное правительство с участием меньшевиков и народников, вчерашних товарищей по подполью, тюрьме и ссылке, позволило ему ближе заглянуть в ту таинственную лабораторию, где, как известно, не боги обжигают горшки. Та неизмеримая дистанция, которая отделяла в эпоху царизма подпольного революционера от правительства, сразу исчезла. Власть стала близким, фамильярным понятием. Коба освободился в значительной мере от своего провинциализма, если не в привычках и нравах, то в масштабах политического мышления. Он остро и с обидой почувствовал то, чего ему не хватает лично, но в то же время проверил силу тесно спаянного коллектива одаренных и опытных революционеров, готовых идти до конца. Он стал признанным членом штаба партии, которую массы несли к власти. Он перестал быть Кобой, став окончательно Сталиным».

Наркомнац

25 октября 1917 года открылся съезд Советов, которому Военно-революционный комитет передал уже фактически завоеванную власть в городе. В ночь на 25 октября в столице произошел переход войск на сторону революционеров-большевиков и захват основных государственных учреждений. «В поведении Временного правительства замечалась нерешительность, – писал в статье, опубликованной в 1918 году в «Правде» и посвященной годовщине революции, Сталин. – Только вечером оно стало занимать мосты ударными батальонами, успев развести некоторые из них. В ответ на это Военно-революционный комитет двинул матросов и Выборгских красногвардейцев, которые, сняв ударные батальоны и разогнав их, сами заняли мосты». Эти события считаются началом вооруженного восстания, приведшего большевиков к власти.

В книге Р. Слассера приводится основанная на мемуарных источниках версия историка Е. А. Луцкого, что 25 октября в 3 часа утра в Смольном состоялось еще одно заседание ЦК с участием Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого и Сталина. Главной целью было обсуждение задач будущего правительства и, с учетом важности земельного вопроса, – проекта Декрета о земле.

Есть свидетельства, что в те дни Сталин вел работу с аген-

тами партийной разведки, и поэтому никаких протокольных поручений за ним не могло быть записано. Впоследствии с первого дня организации Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (7 декабря 1917 года) именно Сталин курировал ее работу по линии Политбюро.

8 ноября (по новому стилю) 1917 года Иосиф Сталин занял свою первую государственную должность – народного комиссара по делам национальностей. Народный комиссариат по делам национальностей (сокращенно Наркомнац) был создан в тот же день, то есть сразу после победы большевиков, согласно декрету «Об учреждении Совета Народных Комиссаров». Наркомнац просуществовал до июля 1923 года. Задачей этого органа было урегулирование порой непростых отношений между различными народами, населявшими территорию бывшей Российской империи, а теперь Советской республики. Кроме этого надлежало заботиться о материальном и культурном развитии «всех национальностей и племен» с учетом их традиций и обычаев.

14 ноября 1917 года Сталин выступил в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) на съезде Финляндской социал-демократической рабочей партии. В своей речи он сообщил о победе в Петрограде пролетарской революции и приветствовал финских рабочих от имени новых властей России. При этом глава Наркомнаца пообещал: «Полная свобода устройства своей жизни за финляндским, как и за другими народа-

ми России! Добровольный и честный союз финляндского народа с народом русским! Никакой опеки, никакого надзора сверху над финляндским народом!» Кроме этого Сталин говорил о необходимости скорейшего прекращения войны, которая выгодна только «старым волкам империализма», причем на самом деле им нельзя доверять даже заключение мира.

Сам Сталин описывал начало деятельности советского правительства достаточно реалистично: «Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духонина, прекратить военные действия и открыть переговоры с немцами о перемирии. Помнится, как Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий) и я отправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 14-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шел на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. „Пойдем на радиостанцию, – сказал Ленин, – она нам

сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом – окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки”. Это был „скачок в неизвестность”. Но Ленин не боялся этого „скачка”, наоборот, он шел ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира и она завоюет мир, сметая по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдет даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах...»

10 ноября 1917 года Ленин и Сталин подписали постановление Совета народных комиссаров, запрещающего выход «всех газет, закрытых Военно-Революционным Комитетом».

Грозы двух революций

Враг народа, а точнее «враг римского народа» (*hostis populi Romani*), – термин римского права, который объявлял лицо вне закона. Известно, что в 68 году нашей эры римский сенат объявил Нерона врагом народа.

Выражение «враг народа» вошло в политический, а потом и повседневный обиход в эпоху Великой французской революции. Тогда едва ли не впервые многие вещи, в том числе и весьма жестокие, начали вершиться именно «именем народа». И клеймо «врага народа» стало готовым приговором, не требовавшим ни расследования, ни доказательств.

Смешивая факты с клеветой и щедро приправляя их словами гнева – «вероломство», «махинации», «беспорядки», «преступления», «жестокость», «коварство», – Робеспьер излагал придуманное им видение истории жирондистов и возлагал на них всю ответственность за нынешние беды страны. В конце речи он потребовал призвать к ответу перед революционным трибуналом «таких патриотов, как Бриссо, Верньо, Жансонне, Гаде.

Елена Морозова. Робеспьер

Робеспьер говорил: «Чем больше триумфов у революции, тем злее ее враги». В своей речи «О Принципах Революционного Правительства», произнесенной в Национальном кон-

венте 25 декабря 1793 года, Робеспьер заявил, что «теория революционного правительства так же нова, как и революция, ее породившая. Ее не нужно искать ни в книгах политических писателей, которые не предвидели этой революции, ни в законах тиранов, которые, довольствуясь злоупотреблением своей властью, мало заботятся о ее законности; поэтому для аристократии слова “революционное правительство” являются лишь предметом ужаса или клеветы, для тиранов – лишь позором, для многих людей – лишь загадкой. Эти слова нужно объяснять всем, для того чтобы приблизить, по крайней мере, добрых граждан к принципам общественной пользы. Функция правительства состоит в том, чтобы направлять моральные и физические силы нации к поставленной цели. Цель конституционного правительства – сохранить Республику; цель революционного правительства – основать ее. Революция – это война свободы против её врагов; Конституция – это режим победоносной и мирной свободы».

Для русских большевиков Марат и Робеспьер были дорогими соратниками и предшественниками. Ленин называл Держинского «нашим Фукье-Тенвилем» (председатель якобинского трибунала, известный особой жестокостью). Позаимствовали и «врагов народа».

Артём Кречетников. Би-Би-Си

Затем Робеспьер провозгласил необходимость революционного террора. Одержимый манией заговоров, он обви-

нял англичан в подготовке с помощью подкупа восстания и клеймил своих противников как агентов иностранных государств. Сам Робеспьер продолжал разоблачать и обвинять, устраняя врагов. Иностранные газеты называли его «Максимилианом Первым». 10 июня 1794 года был принят закон «22 прериала», устанавливающий смертную казнь по всем делам, подлежащим ведению революционного трибунала.

Четко отработанный ритуал казни – начиная от отрезания волос в Консьержери, тюрьме, которую называли «прихожей гильотины», и до выверенного маршрута, которым телеги с осужденными следовали к площади Революции, где стояла гильотина, – напоминал масштабную театральную постановку и привлекал толпы народа... По мнению психологов, тогдашние зрители воспринимали казнь осужденного как реализацию акта справедливости и с падением ножа гильотины испытывали своеобразный катарсис... Как сказал кто-то из современников, якобинцы дали народу головы вместо хлеба.

Елена Морозова. Робеспьер

Не прошло и полутора веков, как на авансцену истории вышли большевики, сумевшие не только совершить революцию, но и в отличие от якобинцев удержаться у власти. И красный террор был одним из инструментов, сделавших это возможным.

Эдвард Радзинский посвятил свою книгу «*Берегитесь, боги жаждут!*» сравнению двух революций – Великой фран-

цузской и отечественной Октябрьской, показывая их явное сходство и преемственность. После покушения на Ленина на заводе Михельсона «большевики официально последовали совету якобинцев. В сентябре якобинцы объявили беспощадный якобинский террор. Пятого сентября был объявлен красный террор. Второй раз в европейской истории власть государственно утвердила террор... Нарком внутренних дел Г. Петровский подписал “Приказ о заложниках”: “Все известные местным Советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должно быть взято значительное количество заложников. При малейших попытках сопротивления должен применяться массовый расстрел”».

Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции.

Владимир Ленин. «Правда» № 90, 7 июля (24 июня) 1917 г.

Однако рьяность в выявлении «врагов народа» отнюдь не гарантировала, что сам ревнитель в один из последующих дней не отправится на гильотину. Уже стоя на эшафоте, бывший глава Национального собрания Франции Верньо произнес: «Революция, как бог Сатурн, пожирает своих детей. Берегитесь, боги жаждут!»

История большевизма подтвердила и это правило.

Первая эпоха Террора (*фр.* la Terreur) – массовых казней,

постоянно работавшей гильотины (ставшей символической «бритвой нации»), произошла во время Великой французской революции, с 5 сентября 1793 по 27 июля 1794 года.

Происходили массовые казни врагов народа – «врагов революции», участников реальных и не существовавших заговоров. Среди них были бывшие офицеры, чиновники и землевладельцы – дворяне, лишённые революцией их статуса и наследственных привилегий, и священники римско-католической церкви, выступавшей против революционных преобразований, в результате которых священнослужителей обязали давать присягу на верность французской нации (а не римскому папе).

Поскольку, по словам приведших к власти якобинцев, Франция со всех сторон была окружена врагами и предателями («эти ядовитые насекомые, распространяющие бесстыдство, фальшь, подлость»), которые не только сбежали за границу и теперь сотрудничали с интервентами, но вели подрывную деятельность внутри страны, то им можно было противостоять только с помощью террора.

Мы не только уничтожим всех врагов, но и семьи их уничтожим, весь их род до последнего колена.

И. Сталин. Из сказанного на обеде после праздничной демонстрации 7 ноября 1937 года (Запись в дневнике Генерального секретаря исполкома Коминтерна Георгия Димитрова)

Революционный террор стал не только средством борь-

бы с сопротивлением представителей бывших привилегированных классов, но и средством борьбы за власть между революционерами. Прошло немногим более полувека, и Карл Маркс назвал «революционный террор» самым быстрым и эффективным способом разрушения старого общества. Сталин это место отметил как *nota bene*.

В конце октября 1917 года в Петрограде отдельной брошюрой издательства «Прибой» вышла работа Ленина «Грозная катастрофа и как с ней бороться», в которой он утверждал, что «...без смертной казни по отношению к эксплуататорам (то есть помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни есть революционное правительство».

Но одновременно с запретами и развертыванием террора необходимо было представить населению страны новые революционные идеалы. 12 апреля 1918 года председатель Совета народных комиссаров Ульянов (Ленин), наркомы Луначарский и Сталин подписали декрет СНК «О памятниках Республики», согласно которому «Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера». Вместо них – согласно ленинскому плану монументальной пропаганды – планировалось сооружение большого числа памятников и мемориальных досок в честь борцов революции всех времен и народов.

Короленко дал самую резкую из всех известных характеристик Ленина: тоже дурачок, несмотря на все схемы. Между прочим, несколько дней назад в него стреляли какие-то идиоты. Убили секретаря. Ленин остался невредим и, конечно, в ореоле мученика. Вслед пришло известие, по-видимому, достоверное: в Петропавловской крепости убиты Шингарев и Кокошкин только потому, что они кадеты. Подлое кровавое обезьянство французского террора.

Сергей Дмитриев. Владимир Короленко и революционная смута в России. 1917–1921 годы

Ленин и большевики не смущались сравнений их с якобинцами, развернувшими террор. Более того, это активно использовалось в пропаганде в первые послереволюционные годы.

Одним из первых памятника удостоился Робеспьер. Газета «Правда» 5 ноября 1918 года так отметила открытие этого памятника: «Стройными рядами заполняют красноармейские полки Александровский сад, – сообщает с места событий собственный корреспондент газеты. – Пьедестал памятника увит гирляндами живых цветов. Памятник окружен стягами и знаменами. Музыка играет Марсельезу. Спадает покрывало. К подножию кладут венки хризантем».

По мере строительства социализма в СССР Сталин более не желал увековечивать прежних революционных деяний – в самом начале 1930-х годов Великая французская революция перестала считаться «великой», поскольку отныне «ве-

ликой» становилась лишь Октябрьская революция (с вождями Лениным и Сталиным).

А уже в середине 1930-х годов она стала всего лишь «французской буржуазной революцией 1789–1794 годов». Поэтому исторические параллели между Октябрьской и Французской революциями во времена Большого террора (и позже) были явно неуместны. Как и сравнения методов борьбы с «врагами народа».

Сходство Октября с Французской революцией прослеживается и в упорных поисках кандидата на роль возможного «красного Бонапарта» – от Фрунзе до Тухачевского. Искали современники – кто с подозрением, кто с надеждой. Ищут и нынешние историки. Хотя, если вдуматься, то искать и не надо. История действительно повторилась, новый Бонапарт в ней был – тоже выходец с бедной окраины державы, исполнявший в момент победы революции вполне скромную роль, несравнимую с образами харизматических вождей и блистательных ораторов, но выдвинувшийся за счет своей жесткости и энергичности. И неустанного внимания к такому мощному оружию, как пропаганда.

Утилитарное создание врага неопасно. Вот когда от чистой души создают врага... В чем загадка 37-го? При поддержке населения, с энтузиазмом составляют расстрельные списки. Не укладывается в голову... Это как воздух, атмосфера.

Владимир Лефевр. Новая газета № 84 от 1 ноября 2007 года

А на роль Тулона в отечественной истории можно с полным правом назначить Царицын. «Первое событие стратегического масштаба, в котором Сталин не только принимал участие, но и сыграл руководящую роль, произошло в 1918 году под Царицыном, – писал Владимир Карпов в книге “Генералиссимус”. – Причем начиналось его участие в том большом сражении не в положении военачальника, а всего лишь продовольственным комиссаром. Напомню, что, окруженный тогда со всех сторон фронтами, Петроград оказался отрезанным от губерний, которые снабжали столицу хлебом и другими продуктами. Голод начинал душить не только жителей огромного города, но и саму революцию. Надо было предпринимать срочные меры по налаживанию снабжения продовольствием. Одной из таких акций было решение ЦК направить Сталина продовольственным комиссаром в Царицын, через который можно было везти хлеб с Волги и Северного Кавказа в обход деникинской армии, занимавшей Украину и донские хлебобродные просторы».

Ну и да, именовался достигший высшей власти красный Бонапарт не «императором французов», а «отцом народов». И вновь стихийная сила революции была безжалостно укрощена и обращена на строительство империи. Но выходцу из Гори судьба благоприятствовала больше, чем уроженцу Корсики. Возможно, потому, что он хорошо усвоил, какой силой обладает массовая пропаганда. И слова «враг народа» сыграли в этой пропаганде далеко не последнюю роль.

Как Бонапарт клялся перед палатой в верности конституции и одновременно подготавливал провозглашение себя императором, так и Сталин в борьбе с Троцким, а потом с Зиновьевым и Каменевым заявлял, что он борется за коллективное руководство партии, что «руководить партией вне коллегии нельзя», что «руководить партией без Рыкова, Бухарина, Томского невозможно», что «крови Бухарина мы вам не дадим», что «политика отсечения противна нам» – и одновременно подготавливал «бескровное» 18 брюмера, производя отсечение одной группы за другой и подбирая в аппарат ЦК и в секретари губкомов и обкомов лично верных ему людей. Если во время государственного переворота Бонапарта население Парижа в течение нескольких дней слышало грохот пушек, то во время государственного переворота Иосифа Сталина партия в течение нескольких лет слышит «пальбу» клеветы и обмана...

Мартемьян Рютин. Сталин и кризис пролетарской диктатуры

Первому социалистическому государству, в котором были бывшие и нынешние, были нужны свои герои и антигерои. Рождалась новая советская мифология, где наряду с покорителями воздушных далей, Севера и подземных недр – как в горных забоях, так и в метро, – героическими пограничниками и доблестными работниками органов и военно-служащими должны были найтись изменники и предатели.

Всеобщий поиск врагов: начало

По иронии судьбы, первым в революционной России эти слова – «враг народа» – произнес бывший тогда министром юстиции Временного правительства Александр Керенский. Выступая в марте 1917 года перед делегацией Черноморского флота, он заявил: «Прошу вас не верить слухам, распространяемым врагами народа и свободы, стремящимися подорвать связь между Временным правительством и народом».

Потом в мемуарах, вспоминая печальный финал своего пребывания во главе правительства и отъезд на автомобиле американского посольства (то ли предоставленном американцами, то ли захваченном адъютантами премьера), Керенский именовал «врагом народа» уже себя самого. С точки зрения противников, разумеется. Он писал, что попадавшие навстречу солдаты, узнав его, отдавали честь: «Наверное, секунду спустя моего проезда ни один из них не мог себе объяснить, как это случилось, что он не только пропустил этого “контрреволюционера”, “врага народа”, но и отдал ему честь».

Но еще до этого за выражение «враг народа» ухватились большевики. Именно так был назван в их листовках в августе 1917 года генерал Лавр Корнилов. А после октябрьских событий термин широко вошел в обиход. Верховный главнокомандующий русской армией Н. Н. Духонин был объяв-

лен «врагом народа» в ноябре 1917 года, когда отказался выполнить приказ Ленина о немедленных мирных переговорах с немцами и вдобавок освободил из-под ареста (так называемого Быховского сидения) Корнилова и группу высших офицеров из числа его сподвижников. 3 декабря (по старому стилю – 21 ноября) Духонин был убит толпой революционных матросов.

В то время хаос и потеря ориентиров были в порядке вещей, являя собой плодородную почву для распространения жестокости и поиска тех, кого можно назвать виновными в происходящем. Города и веси наводнили толпы беженцев и эвакуированных, что усиливало хаос. Еще до падения династии Романовых министр сельского хозяйства Кривошеин проницательно отмечал: «Из всех суровых испытаний войны исход беженцев является наиболее неожиданным, самым серьезным и трудноизлечимым... Мудрые стратеги немцев создали этот поток, чтобы запугать противника... Болезни, печали и нищета движутся вместе с беженцами на Россию. Они создают панику и уничтожают все, что осталось от порыва первых дней войны... Это тучи насекомых. Дороги разрушаются, и вскоре уже невозможно будет подвезти пищу... Будучи членом совета министров, я утверждаю, что следующая миграция населения приведет Россию во мрак революции». В 1915 году таких сорванных с места войной людей оказалось уже 10 миллионов человек – по стране блуждало население современного мегаполиса. Через два года ситуа-

ция была еще хуже...

28 ноября 1917 года выражение «враги народа» употребил в своей речи и сам Ленин. Выступая на заседании Совета народных комиссаров, он потребовал арестовать руководство партии кадетов – «как партии врагов народа». Тут же соответствующий декрет СНК был подписан председателем Ульяновым (Лениным) и народными комиссарами Троцким, Авиловым, Менжинским, Сталиным, Петровским, Шлихтером, Дыбенко. И партия кадетов (конституционные демократы) – как выражающая интересы буржуазии – была запрещена как партия «врагов народа».

13 января 1918 года было принято постановление СНК РСФСР «О разрыве дипломатических сношений с Румынией». В нем командующий румынским фронтом генерал Д. Г. Щербачёв официально назывался «врагом народа».

И вот «караул устал»

5 (18) января 1918 года в Таврическом дворце в Петрограде началось заседание Учредительного собрания. Из 410 присутствовавших делегатов большинство принадлежало эсерам-центристам, большевики и левые эсеры имели 155 мандатов – менее 40 %. Открывший заседание по поручению ВЦИК его председатель Яков Свердлов в своей речи выразил надежду на «полное признание Учредительным собранием всех декретов и постановлений Совета народных комиссаров» и предложил принять написанный Лениным проект «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в первом пункте которой Россия объявлялась «Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Этот проект ленинской Декларации повторял принятую съездом Советов резолюцию об аграрной реформе, рабочем контроле и мире, и большевики теперь хотели провести ее через Учредительное собрание, которое большинством в 237 голосов против 146 отказалось даже обсуждать эту большевистскую Декларацию. Это явилось поводом для большевиков уже во второй части заседания, в третьем часу ночи, в знак протеста против непринятия ленинской Декларации, покинуть заседание Учредительного собрания.

История революционного движения в России написана победителями, возможно, поэтому мы

воспринимаем фигуры Дегаева, Азефа, Малиновского, Гартинга-Геккельмана, Житомирского, Вильбушевич и многих других осведомителей и провокаторов как нечто противоестественное, из ряда вон выходящее, как некий чудовищный нарост на общем благообразном фоне идейных борцов и радетелей за народное счастье. На самом деле печальная правда заключается в том, что вся антигосударственная конспиративная деятельность в те годы была так или иначе связана с предательством, двурушничеством, убийствами, провокациями и нравственным беспределом. Быть двойным агентом считалось в порядке вещей... Революционеры осознанно делали свой новый выбор и выдавали соратников и друзей органам политической полиции, не считая свои поступки аморальными.

В. Д. Игнатов. Доносчики в истории России и СССР

Перед этим представитель большевиков Федор Раскольников заявил, что «не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать советской власти депутатов окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания». Через двадцать с небольшим лет, 26 июля 1938 года, бывший советский дипломат, а позднее невозвращенец, тот же самый Федор Раскольников опубликовал в парижской русской эмигрантской газете «Последние новости» протестное письмо «Как меня сделали „врагом народа“».

В пятом часу утра 6 (19) января начальник охраны анархист А. Железняков заявляет председательствующему эсеру Чернову, что «караул устал» и заседание закрывается. И уже вечером того же 6 января газета «Правда», упоминая «врагов народа», оценивает роль Учредительного собрания с точки зрения большевиков.

Прислужники банкиров, капиталистов и помещиков, союзники Каледина, Дутова, холопы Американского доллара, убийцы из-за угла правые эсеры требуют в учр. собрании всей власти себе и своим хозяевам – врагам народа.

На словах будто бы присоединяясь к народным требованиям: земли, мира и контроля, на деле пытаются захлестнуть петлю на шее социалистической власти и революции.

Но рабочие, крестьяне и солдаты не попадутся на приманку лживых слов злейших врагов социализма, во имя социалистической революции и социалистической советской республики они сметут всех ее явных и скрытых убийц.

«Устрашение является могущественным средством»

В своих «Записках о Гражданской войне 1917–1918» Владимир Антонов-Овсеенко вспоминал о военных действиях на Украине и Дону в ноябре 1917 – марте 1918 года, приводя примеры воззваний: «Враги народа, чтобы разъединить дружную работу и вызвать междоусобие, начали устраивать казачьи и другие национальные республики, а сами забирают власть, вводят военные положения и закабаливают вновь казачество. Не ошибитесь, казаки, теснее сплотитесь со всем русским народом». Но, как известно, и сам видный большевик Антонов-Овсеенко завершил свой жизненный путь в 1938 году с клеймом врага народа.

В основу положена опять-таки оккупационная система, но в связи с прибытием новых значительных сил она распространена на большой район. В этом районе выделяются особо бандитские села, по отношению к которым проводится массовый террор...
Доклад главы полномочной комиссии ВЦИК Владимира Антонова-Овсеенко о подавлении Тамбовского восстания

Революция и жестокость оказались неразрывно связаны с самого начала. Однако официальное объявление «красного террора» возвело всевозможные зверства в узаконенный статус. В массовом сознании стало фактически утверждаться то

обстоятельство, что людей можно объявлять врагами и уничтожать просто так, без суда, даже без обвинения. Достаточно было неподходящего в классовом смысле происхождения. Троцкий активно поддерживал подобную практику, заявляя: «Устрашение является могущественным средством политики, и надо быть ханжой, чтобы этого не понимать».

Сотнями будем мы убивать врагов. Пусть будут это тысячи, пусть они захлебнутся в собственной крови. За кровь Ленина и Урицкого пусть прольются потоки крови – больше крови, столько, сколько возможно.

«Красная газета», 1 сентября 1918 года

История Гражданской войны в России трагична не только потому, что друг против друга шли жители одной страны и у каждой стороны была своя, часто очень искренняя правда, а примирить красную и белую правду было невозможно. Одним из самых страшных явлений Гражданской войны была массовая жестокость, которую опять же проявляли обе стороны, часто скатываясь до средневековых, а то и более архаичных ее проявлений.

Принялись хватать заложников из духовенства, из интеллигенции. В Москве в «ленинские дни» было перебито около тысячи человек. Радек требовал, чтобы казни были публичными – тогда они окажут более сильное воздействие. Сперва расстреливали на Ходынском поле «торжественно, под музыку оркестра». Но красноармейцы, выделенные для убийств, не

выдержали, взбунтовались. Их заменили китайцами и стали казнить уже без музыки. В Петрограде преемник Урицкого Бокий, один из любимцев Свердлова, казнил 1300 человек. На места Яков Михайлович централизованно отправлял разнарядки, строго требовал отчетности. Поступали доклады из губернских городов. Где-то расстреляли 30, где-то 150 или 200...

В. Е. Шамбаров, Е. Н. Чавчавадзе. Кто заплатил Ленину?

Имели место и другие случаи, которые иначе как одичанием назвать было нельзя. Анархистка Ксения Ге, дама из приличного общества, по словам современников-свидетелей, «хорошенькая женщина, русская... дочь генерала» была повешена в Кисловодске добровольцами Шкуро. При революционной власти она выработала проект предотвращения распространения среди красноармейцев венерических болезней, приставив к ним женщин буржуазного класса на предмет сексуального обслуживания. Очевидец рассказывал: «Ксения умерла очень мужественно... уже стоя под виселицей на базаре... сказала конвоирующему ее офицеру: “Я счастлива умереть за мою правду. Вы ее не знаете... но верьте, моя победит вашу”». Когда ее в «шикарном, синего шелка» платье и «лаковых великолепных ботинках» вынули из петли, собравшаяся толпа ринулась добывать в качестве талисманов кусочки веревки...

Мир и анафема

29 ноября 1917 года было создано Бюро ЦК РСДРП(б), в состав которого вошли Ленин, Сталин, Троцкий и Свердлов. Бюро получило право в ситуациях, требующих немедленного реагирования, «решать все экстренные дела», хотя и при этом следовало непременно привлекать к обсуждению «всех членов ЦК, находящихся в тот момент в Смольном». «Ленин в этот период чрезвычайно нуждался в Сталине, – вспоминал Троцкий. – Он играл при Ленине роль начальника штаба или чиновника по ответственным поручениям. Разговоры по прямым проводам Ленин мог доверить только испытанному человеку, стоящему в курсе всех задач и забот Смольного». В партийном обиходе Бюро неофициально именовали «четверкой». Таким образом, сразу после революции Сталин вошел в число основных руководителей Советской республики.

28 января 1918 года находившийся в Брест-Литовске как глава делегации, ведущей мирные переговоры с Германией, Троцкий получил телеграмму за подписью Ленина. В ней содержалось категорическое требование немедленно заключить мир. Этому предшествовала просьба Троцкого дать конкретные инструкции по ведению переговоров, на которую Ленин отозвался так: «Ответ Троцкому. Мне бы хотелось посоветоваться сначала со Сталиным, прежде чем отве-

тить на ваш вопрос». Первоначально Троцкий был отправлен в Брест-Литовск с напутствием: «Держимся до германского ультиматума, потом сдаем». Немалые надежды большевики возлагали не только на успех переговоров о мире «без аннексий и контрибуций», но и на революционные движения в странах Западной Европы. По мнению Бутакова, Ленину, заключившему Брестский мир с Германией, удалось не только получить передышку, но и предугадать грядущее разложение кайзеровской армии и падение империи.

Впрочем, несмотря на удачные предвидения, проблем у победивших большевиков было предостаточно.

1 февраля 1918 года патриарх Тихон предал анафеме советскую власть. Знаменитое послание патриарха с провозглашением анафемы революционерам гласило:

Властию, данную Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какие-либо общения...

Причиной для этого послания послужили не идеологические разногласия, а конфискации большевиками церковных зданий, храмов, монастырей, а также синодальной типографии и Александро-Невской лавры. Во время ее захвата крас-

ноармейцами был убит протоиерей Петр Скипетров и произведены аресты сопротивлявшегося вторжению солдат православного духовенства. На следующий день поместный собор одобрил послание патриарха и начал разрабатывать меры, направленные на защиту церкви. При этом послание об анафеме было разослано по церквям и зачитывалось в храмах. В ответ на заседании Совнаркома был принят декрет об «отделении церкви от государства», согласно которому православная церковь была лишена в РФ прав юридического лица.

Битва за души не ограничивалась принятием юридических актов. 12 августа 1918 года в городе Свияжске был торжественно открыт памятник Иуде Искариоту. С пламенными речами выступили революционеры (существует версия, что среди них были создатель Красной армии Лев Троцкий, Демьян Бедный и Всеволод Вишневский), состоялся военный парад. В то время идеологи большевизма, выступавшие против церкви, решили поставить памятник борцу с «религиозным мракобесием», и поэтому в Свияжске среди партийного руководства начались споры, кому ставить – Люциферу, Каину или Иуде? Остановились на последнем, чья фигура с протянутыми к небу кулаками и петлей на шее и была утверждена в качестве памятника. Как свидетельствуют очевидцы, памятник простоял только две недели, а потом бесследно исчез, о чем радостно говорили на улицах местные верующие. Информация о свияжском памятнике Иуде в на-

ши дни считается легендой, основанной на книге датчанина Хеннинга Келера «Красный сад» и мемуарах писателя-эмигранта А. Вараксина. Но духу того времени она вполне соответствует.

Сталин и оборона революции

17 октября 1918 года завершилась так называемая вторая оборона Царицына, которой руководил Сталин. На следующий день Сталин послал Ленину в Москву телеграмму с сообщением, что Донская армия под Царицыным разгромлена.

30 ноября 1918 года был сформирован Совет ра-боче-крестьянской обороны. Его главой стал Ленин, а заместителем руководителя Совета – Сталин, быстро завоевывавший известность как практический военно-революционный лидер. В постановлении ВЦИК о создании Совета говорилось:

Советская республика стоит перед возрастающей опасностью вторжения соединенных полчищ мирового империализма. Против нее направлена вся злоба, вся ненависть мировой буржуазии. На севере и юге, на востоке и на западе англо-американские и франко-японские хищники воздвигли и воздвигают против Советской России враждебные фронты...

После того как Колчак взял Пермь, а деморализованная 3-я армия Советской республики даже не отступила, а обратилась в бегство, для выяснения причин сдачи Перми и принятия мер к восстановлению обороноспособности 1 января 1919 года была создана партийно-следственная комиссия ЦК партии и Совета обороны во главе со Сталиным и Дзержинским.

Тут же они оба – Сталин и Дзержинский – были командированы непосредственно на Восточный фронт, дабы навести порядок в этом регионе и остановить наступление Колчака.

19 января 1919 года на объединенном заседании уральских и вятских партийных организаций, а также местных Советов было объявлено о создании Вятского военно-революционного комитета, которому с этого момента должна была принадлежать вся власть в Вятской губернии. С докладом о необходимости такого решения выступил Сталин. Предварительно он, оценив ситуацию, запросил подкрепление из центра.

Ситуация на Восточном фронте начала выправляться, о чем Сталин и доложил Ленину. 27 января Сталин и Дзержинский выехали из Вятки в Москву и уже через четыре дня представили в Москве Ленину отчет об обстановке и о причинах катастрофы, стоившей революционным частям потери города Перми. Сталин и Дзержинский писали о том, что на фронте в районе действий 3-й армии не было резервов, не хватало продовольствия, не велась надлежащая политико-воспитательная работа. Сталин обвинил Всероссийское бюро военных комиссаров и Реввоенсовет, возглавляемый Троцким, в отрыве от реальности, равнодушии к боевой деятельности и жизни Красной армии.

Во второй половине марта Сталин участвовал в работе VIII съезда РКП(б) в Москве, где была принята новая программа партии. Особо важным был вопрос о строительстве

Красной армии. Ленин и Сталин энергично выступили против «военной оппозиции» – сторонников «партизанщины» и противников создания регулярной армии и обеспечения дисциплины в ней.

Сталин тогда говорил: «Либо создадим настоящую рабоче-крестьянскую, строго дисциплинированную регулярную армию и защитим Республику, либо мы этого не сделаем, и тогда дело будет загублено».

В мае обострилась обстановка на северо-западе страны. 17 мая Сталин был направлен на Петроградский фронт в качестве чрезвычайного уполномоченного в связи с наступлением Юденича и прямой угрозой Петрограду. Уже 19 мая Сталин в Петрограде организовал совещание с Главкомом, командующим Западным фронтом и командующим 7-й армией о положении на фронте. В городе началась мобилизация трудящихся в возрасте от 18 до 40 лет. За последующие двадцать дней было мобилизовано 24 тысячи человек, а также создан Петроградский коммунистический батальон.

20 мая Сталин поехал в Старую Руссу, в штаб Западного фронта. Он особо заботился о ремонте боевых кораблей и об организации постоянного взаимодействия сухопутных и морских сил с авиацией, составлявшей в то время 17 авиатрядов из 87 самолетов и сотни с небольшим пилотов.

В городе было введено осадное положение, дороги и предприятия охранялись в режиме особой бдительности. Мосты были заминированы и подготовлены к немедленному подрыву.

ву в случае непосредственной угрозы захвата.

28 мая

Ленин – Сталину:

...Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать наличие в нашем тылу, а, может быть, и на самом фронте, организованного предательства... Просьба обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять экстренные меры для раскрытия заговоров.

В ночь с 28 на 29 мая разразился мятеж 3-го Петроградского полка – командир и комиссар были убиты, солдаты-коммунисты истреблены, а полк перешел на сторону Юденича.

Ночь на 9 июня 1919 года

Сталин – Ленину:

Учитывая положение на других фронтах, мы до сих пор не просили подкреплений, но теперь дело ухудшилось до чрезвычайности. Опасность угрожает непосредственно Петергофу. С его падением Питер висит на волоске. Для спасения Питера необходимо тотчас же, не медля ни минуты, три крепких полка.

Затребованные три полка был тотчас изысканы и по приказу Ленина отправлены в 7-ю армию. Благодаря этому удалось остановить противника на подступах к Гатчине и Царскому Селу.

12 июня 1919 года началось антикоммунистическое вос-

стание в форте Красная Горка – одном из береговых фортов, расположенных на южному берегу Финского залива и прикрывавших подступы к Петрограду. Организаторами и вдохновителями мятежа выступали как бывшие офицеры царской армии, так и настроенные против большевиков эсеры. Возглавил восстание комендант форта Николай Неклюдов. Расчет повстанцев заключался в том, что войска Юденича уже вплотную подошли к Красной Горке.

Подавлением восстания руководил Сталин. Против форта и батареи «Серая лошадь» отправили военные корабли, которые начали обстреливать Красную Горку, еще не отчалив из Кронштадта. По распоряжению Сталина реввоенсовет Балтийского флота предъявил гарнизону Красной Горки ультиматум: «Вас обманули прислужники генералов и помещиков, заставляют вас стрелять по рабочим и матросам Кронштадта. Вы должны теперь понять, что вы бессильны, сдавайтесь, пока не поздно, иначе вам не будет прощения. Если вы сдадитесь, вы будете прощены, если нет, то уничтожены».

27 ноября 1919 года Сталин был награжден орденом Красного Знамени за организацию обороны Петрограда и активную деятельность на Южном фронте. В протоколе заседания Президиума ВЦИК говорилось: «В минуту смертельной опасности, когда враги Рабоче-Крестьянской революции в июле 1919 года подступали к Красному Питеру и уже овладели Красной Горкой, в этот тяжелый для Советской Рос-

сии час Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) своей энергией и неутомимой работой сумел сплотить дрогнувшие ряды Красной Армии». В документе о награждении было также засвидетельствовано, что Сталин находился непосредственно на передовой «под боевым огнем», собственным примером воодушевляя бойцов на защиту республики Советов.

17 марта 1920 года в Харькове Сталин открыл IV Всеукраинскую конференцию КП(Б)У и выступил там с докладом об экономической политике. Именно тогда он провозгласил новый лозунг «Всё для народного хозяйства» вместо прежнего – «Всё для фронта». Кстати, заполняя анкету участника этой конференции, Сталин в графе «профессия» указал: писатель, публицист, редактор.

Штрафбаты Троцкого

Летом 1919 года положение советской России было очень тяжелым – со всех сторон наседали враги, а на контролируемой красными территории возникали контрреволюционные заговоры. Дезертирство (причем вовсе не по идейным соображениям) стало массовым. Вожди молодой республики понимали, что время пламенных призывов и революционного энтузиазма, вспыхнувшее в октябре 1917 года в условиях непрекращающейся Гражданской войны и царящей вокруг разрухи, прошло, и многие уже «не воодушевляются» на совершение ратных подвигов. А значит, помимо «пряника» – светлого будущего с золотыми унитазами – нужен был конкретный «кнут». Поэтому 3 июня 1919 года появился приказ Реввоенсовета республики, в котором, по сути, говорилось о революционных военных трибуналах и... штрафных частях. Председатель РВС республики, нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий так сформулировал будущее штрафников: «Красноармеец должен быть поставлен в условия выбора между возможной почетной смертью в бою, если он идет вперед, и неизбежной позорной смертью расстреливания, если бросит позицию и побежит назад...»

Сталин, несмотря на приписываемые ему патологические наклонности, не являлся автором такой безжалостной «организации», как заградотряды. Не углубляясь в историю, мож-

но упомянуть принятое (еще за полгода до того самого приказа Л. Д. Троцкого) 5 декабря 1918 года постановление Совета рабоче-крестьянской обороны, согласно которому по всей прифронтовой полосе для поимки дезертиров были организованы заградительные отряды из лиц, преданных советской власти, а также специальные кавалерийские дивизионы, среди которых крупными и безжалостными были дивизион имени тов. Троцкого, носивший громкое название «Тайный дивизион», и отряд с неоднозначным названием «Черная сотня».

Большевистские лидеры охотно признавали слабую боевую устойчивость своих войск. «Революционные войска – нервные войска, способные к быстрым метаморфозам, – заявлял в 1919 г. Л. Д. Троцкий. – Их можно в короткий срок оздоровить, закалить, но в короткий же срок можно довести до распада». Сам Троцкий объяснял эту «нервность» четырехлетним сидением в окопах мировой войны, выделяя, правда, без комментариев, особую «революционную нервность». Эта «революционная» расшатанность психики развивалась, надо полагать, в ходе многочисленных экспроприаций, реквизиций, контрибуций, массовых расстрелов соотечественников, зачастую не способных даже оказать сопротивления.

Сергей Зверев. Военная риторика Новейшего времени

В Военно-историческом журнале (№ 11 за 1988 год) цитируется приказ РВС Западного фронта, изданный во вре-

мя советско-польской войны (1920 года), шедшей для молодой советской республики с переменным успехом: «Организация заградительных отрядов представляет собой одну из важнейших задач командиров и комиссаров. Каждое крупное воинское соединение должно иметь за свою спину хотя бы тонкую, но прочную и надежную сетку заградительных отрядов... Легкость и безнаказанность дезертирства способны разесть самую лучшую часть. Молодой солдат, пытающийся вырваться из огня, в который попал впервые, должен встретить твердую руку, которая властно возвратит его назад с предупреждением о суровой каре всем нарушителям боевого долга. Удирающий шкурник должен наткнуться на револьвер или напороться на штык...»

Враги и речи

Троцкий был уверен, что поправить ситуацию даже в разгромленных и деморализованных частях не так уж трудно – надо «дать хороших командиров, несколько десятков опытных бойцов, добыть босым сапоги, устроить баню, провести энергичную агитационную кампанию, накормить, дать белья, табаку и спичек... Красноармеец плотнее поел, сменил белье, переобулся, выслушал речь, подтянулся – и стал другим».

Вот это самое «выслушал речь» в ходе Гражданской войны приобретало особое значение как на красной, так и на белой стороне. В ход шли цветистые метафоры, будто взятые – хотя почему «будто»? – из поэтических сборников, или намеренно упрощенная, понятная простому человеку лексика. В листовке 4-й Уфимской стрелковой дивизии генерала Корнилова использовалось обращение «дорогой брат стрелок» и предлагалось идти сражаться с «людьми – приверженцами апокалипсического красного дракона...»

Лексика и фразеология военной риторики Фрунзе тоже представляет собой смесь из широко распространенных в советское время штампов социального пафоса, вроде пресловутых «помещиков и капиталистов» и выражений, характерных для самого Михаила Васильевича. К такому можно отнести

переходящее из приказа в приказ упоминание о бое, тяжбе или счетах «труда и капитала», выражения «трудовая Русь», «Россия труда», «сермяжная Русь». Но если сравнивать речи Фрунзе и Троцкого, то у первого она более метафорична, поскольку чаще задействованы средства выразительности».

Сергей Зверев. Военная риторика Новейшего времени

В тексте листовки Директории (Временного всероссийского правительства), созданного в Уфе осенью 1918 года, фигурирует на первый взгляд заманчивое предложение: «Бросайте, крестьяне, ваши дела, берите дубины в руки и идите освобождать ваших детей в Красной армии, и вместе идите к нам. Наше правительство вас возьмет и простит, знамо дело по глупости вашей и непониманию. Продали вас и натравили против нас. У нас англичане, французы пришли нам помогать и вместе отвоюем родину, защитим свои семьи, скарб, хлебушек... Э, да вам всего не втолкуешь, сами увидите, как мы здесь живем. Мы вам все сказали, будет вам хорошо, нет – все едино, плакать будет каждый из вас. Наша армия полосой пройдет и истребит всех большевиков, пощады не будет никому».

Первый же приказ барона Врангеля, назначенного командующим Добровольческой армии после неудачи В. З. Май-Маевского на московском направлении в октябре 1919 года, был полон патетики: «Славные войска Добровольческой армии! Враг напрягает все силы, стремясь вырвать победу из

ваших рук. Волна красной нечисти готовится вновь залить освобожденные вами города и села. Смерть, разорение и позор грозят населению... Ограждая честь и достоинство армии, я беспощадно подавлю темные силы...»

Пропаганде в колчаковской администрации уделяли достойное внимание – существовал «Отдел печати при канцелярии Омского правительства», состоящий из «Российского телеграфного агентства», «Пресс-бюро», «Бюро иностранной информации». Будучи передан весной 1919 года частному акционерному объединению «Русское общество печатного дела», он продолжил свою деятельность, занимаясь в том числе изготовлением фальшивых номеров большевистских газет – «Правды», «Бедноты», красноармейских газет, фальшивых декретов советской власти. В этих сфабрикованных материалах рассказывалось о поголовных зверствах большевиков, о подготовке большевиками грядущей Варфоломеевской ночи – поголовной резне буржуазии в Петрограде в ночь на 10 ноября 1918 года, о состоявшемся аресте Ленина Троцким. Одной из самых обсуждаемых и зловещих тем была подготовка большевиками национализации женщин в России.

Я требую, чтобы офицеры и солдаты изъяли бы из своей среды всякую политику и взаимную партийную борьбу, подрывающую устой русского государства и разлагающую нашу молодую армию.

Все военнослужащие должны быть вне всякой

политики. Теперь у всех в мыслях, на устах, в сердцах и на деле должно быть только одно стремление – отдать все свои силы армии и Родине.

Всякую попытку извне и внутри втянуть армию в политику приказываю пресекать всеми средствами. Приказ прочесть во всех ротках, эскадронах, сотнях, батареях и командах.

Приказ Колчака 20 ноября 1918 года

Разбирая военную риторику Гражданской войны, можно отметить, что советскому полководцу нужно было быть не только (и не всегда) выдающимся профессионалом военного дела, прославленным своими победами. Необходимо было показывать и близость к революционным воинам, произнося перед ними громкие речи со звонкими политическими фразами, демонстрирующими в первую очередь единство целей.

Кроме того, красным командирам требовалось бороться с вражеской пропагандой, дабы сохранить контроль над своими войсками, часть из которых представляла собой не добровольцев, а насильно мобилизованное, плохо обученное военному делу ополчение, в котором были и представители малых народов.

Если сравнить между собой речи красных и белых военачальников, то в части из них, невзирая на противоположные политические взгляды, можно найти похожие лозунги и выражения, менялся только цвет «нечисти», подлежащей подавлению и изгнанию.

Песни двух сторон

Характерным парадоксом Гражданской войны было и то, что противоборствовавшие силы часто пели одни и те же песни, меняя только часть слов в соответствии с собственной идеологией. Многие и не подозревали о том, что это не только «их песня». Миллионы советских людей слушали и сами пели «Смело мы в бой пойдем за власть Советов», «По долинам и по взгорьям», «Белой акации гроздья душистые», не подозревая о том, что первоначально в песнях были совсем другие слова: «Смело мы в бой пойдем/За Русь Святую!»... Есть версия, что столь любимая большевиками «Вы жертвою пали» впервые прозвучала на похоронах генерал-адъютанта Карла Ивановича Бистрома, скончавшегося в 1838 году от старых ран.

Валерий Шамбаров в книге «*Песни царской России, плененные большевиками*» пишет: «Первую мировую русский народ встретил с единодушным подъемом. По всем городам проходили патриотические манифестации. Санкт-Петербург был переименован в Петроград – государство символически отрещивалось от всего “немецкого”, даже в названиях. В России на время войны объявлялся “сухой закон”, и люди восприняли его с полным пониманием. А война тогда называлась не Мировой (и уж конечно – не Первой мировой). Этот термин утвердился значительно позже. В народе ее на-

зывали германской, а официально – Великой войной. А поскольку опасность нависла над самим Отечеством и война началась при общей народной поддержке, то привилось другое наименование – Вторая Отечественная».

В годы Гражданской войны в Красной армии была нехватка новых революционных песен, и поэтому начались переделки песен, исполнявшихся по ту сторону. Из текстов были убраны упоминания царя, православия и других символов императорской России, и вместо них появились новые революционные символы и вожди. При этом настоящие авторы музыки и первоначального текста оказывались забытыми. Так, по словам Шамбарова, «мешанина советских переделок, плагиатов и всевозможных обработок порой приводила и к курьезам. Один из них касается песни “Белой акации гроздь душистые”. Впервые она была опубликована в 1902 году в серии “Цыганские ночи” без указания авторов слов и музыки. В дальнейшем произведение публиковалось как “известный цыганский романс” в редакции Вари Паниной и музыкальной обработке А. М. Зорина, но по-прежнему осталось безымянным. В настоящее время исследователи предполагают, что слова написал А. А. Пугачев, которому принадлежат более трех десятков романсов на музыку русских и зарубежных композиторов...»

Этот романс исполняли многие известные певцы и певицы дореволюционной России: Варя Панина, Мария Эмская, братья Садовниковы. Он был неоднократно издан на грам-

пластинках, звучал в русских окопах в годы Первой мировой войны. «А особую любовь он приобрел у белогвардейцев. Романс согрел сердца, как отголосок мирной жизни, еще не перевернутой и не исковерканной. Возможно, играло роль и созвучие – акация белая, и армия Белая. Нуждаясь в новых патриотических песнях, большевики занялись переделкой песен своих противников, безжалостно выкидывая прежние слова». Так появились многие советские патриотические песни. «Ну а переделки русского фольклора вообще были поставлены на поток, – продолжает Шамбаров. – Особенно повезло в данном отношении “Маршу Сибирских стрелков”. Его использовали все подряд. Сибиряки-колчаковцы пели его в первоизданном виде, на слова Гиляровского, только в конце добавляли пару куплетов». Дополнительную известность принесло и то, что под мелодию «Белой акации» подстроили один из вариантов «гимна» Добровольческой армии «Слышали, братья», – очевидно, доработав слова под размер романса.

Столь распространенную песню не могли обойти вниманием и красные – переделали в революционную песню, начинавшуюся следующей строкой: «Ленин и Троцкий, вожди пролетарские...» Если бы в тексте фигурировал один Ленин, то песня, наверное, так и вошла бы в советский концертный репертуар. Но с Троцким она имела право на существование только до 1924 года.

На Дон к Корнилову с румынского фронта двинулись

офицеры и солдаты под командованием Михаила Дроздовского. Тогда и был сочинен «Дроздовский марш». «В 1919 году, после взятия Харькова, командир Дроздовской дивизии полковник Антон Васильевич Туркул передал песню для доработки профессиональному композитору Дмитрию Яковлевичу Покрассу», – отмечает Шамбаров.

Возможно, как раз тогда к ней добавился припев:

*«Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Офицерские заставы
Занимали города!»*

Существует мнение, что основная часть марша, который написал Д. Покрасс, была им заимствована из дореволюционной песни дальневосточных охотников «По долинам, по загорьям».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.